

«КАК ПОТОКИ НА ЮЖНОМ ВЕТРУ»:
СТИХ ПС 125:4b В ИНТЕРПРЕТАЦИИ АВГУСТИНА

Когда я работал над этой статьей, из печати вышел очередной том избранных трудов С.С. Аверинцева, объединивший в одном переплете печатавшиеся в разное время и в разных изданиях его библейские переводы¹. Переводы и комментарии на Книгу Иова, Псалмы, некоторые части синоптических Евангелий были известны мне и раньше по журнальным публикациям, но теперь, собранные воедино, дополненные и сопровождаемые обобщающими статьями «от переводчика», эти труды произвели на меня неожиданно волнующее впечатление. Впервые я держал в руках современную русскоязычную книгу комментированных библейских переводов, в которой непривычно сочетается то, что в русскоязычной библеистике новейшего времени сочеталось не очень-то легко: знание оригинальных текстов (во всей текстологической сложности) – и при этом ясность представления о том, что иногда называют «стилистической перспективой» перевода (избранной автором пусть неожиданно, но продуманно и сознательно); свободное владение регистрами современного русского языка при чутком понимании славянского слова, его новых и старых смыслов и обертонов; историко-филологическая эрудиция в том, что касается временных и местных корней библейских книг, – и при этом внимательность к тому, как понимались эти книги в христианской традиции; кроме того, небывалое для русских библейских переводов внимание к жанровой природе текстов, особенно текстов поэтических...

Что говорить: даже простой историко-филологический комментарий к Евангелиям, написанный по-русски – явление, не виданное со времен Муретова, Глубоковского и почтенной в своем роде, но безнадежно и давно (отчасти до своего выхода в свет) устаревшей «Толковой Библии»; а уж такой комментарий, в котором сведения, добытые современной западной и отечественной библеистикой, включаются в осмысленный диалог с еврейским преданием и древней христианской традицией, обогащаются собственными, столь тонкими наблюдениями и размышлениями исследователя и документируются полным новым переводом текста, – такое невозможно и припомнить².

Будет ли преувеличением сказать, что со времен выхода в свет Синодального перевода русскоязычное общество не знало события для освоения библейского текста столь же значительного, как то, что свершилось с появлением на книжных прилавках упомянутого издания? Может быть, библейские переводы С.С. Аве-

¹ Аверинцев С.С. Собрание сочинений / Под ред. Н.П. Аверинцевой, К.Б. Сигова. Переводы: Евангелия. Книга Иова. Псалмы. Пер. с древнегреч. и древнеевр. Киев: Дух і літера, 2004.

² Отсутствие подобного комментария особенно остро ощущалось в учебной практике, в частности при преподавании курса языка Нового Завета. Студентам младших курсов (от которых еще нельзя ожидать свободного чтения иноязычной литературы, а тем более – самостоятельной ориентации в огромном море западной библеистики) было практически невозможно указать надежный русский комментарий, который помог бы им в изучении новозаветных книг (исключение составлял лишь отличный комментарий И.А. Левинской к Деяниям апостолов; при изучении Евангелий приходилось пользоваться переводными «пособиями для переводчиков», выпускаемыми Библейским обществом – обычно добротными, но по большей части односторонними).

ринцева не станут столь же «общепринятыми» и «нормативными», каким стал Синодальный перевод всей Библии или мог бы стать «Кассиановский» перевод Нового Завета; наверное, это не нужно и не важно. Важно то, что русским читателям есть теперь где справиться и с чем сверить свое понимание при чтении соответствующих книг Библии. При этом те переводы и комментарии, к которым он может прибегать, не являются, с одной стороны, просто механическим и некритическим перенесением на отечественную почву чужих находок и достижений, а с другой – весьма далеки от того, чтобы быть воспроизведением общих мест патристического предания. Они являются результатом многолетних раздумий, разысканий и творческой работы ученого, чей авторитет в области классической, библейской и христианской словесности подтвержден множеством других его общих и частных исследований и переводов.

Читая эту книгу, можно пожалеть лишь о двух вещах, и обе они касаются псалмов: во-первых, что переведенными оказались не все псалмы, во-вторых, что комментарий к ним не так подробен, как, например, к Евангелиям. Будь у меня под рукой перевод того же 125 (126) псалма (а тем более с комментарием), писать этот этюд было бы и проще, и удобней.

С сожалением о том, что один из самых больших ученых нашей страны и нашего времени не сделает больше того, что он успел сделать, я посвящаю его памяти это исследование.

* * *

Историческая критика нового времени внесла значительные изменения в понимание псалма 125, и прежде всего в понимание 1-го и 4-го стиха: целый ряд исследователей отстаивали мнение, что речь идет не о «возвращении пленников» (которое естественно связывается с возвращением из «вавилонского плена»), а о понятии более широкого охвата – о «восстановлении» Сиона в прежнем состоянии³. В целом псалом получает тогда более «вневременное» звучание; начальные стихи его можно переводить в настоящем времени: «Когда Господь восстанавливает Сион... тогда говорят народы...». Действительно, если принять такое объяснение, то снимаются многие затруднения, связанные с истолкованием значения глагольных времен в этом псалме⁴, и косвенно находят оправдание, во-первых, колебания в употреблении времен (выбор между прошедшим и будущим) в разных греческих и латинских переводах 1-го и 2-го стиха, а во-вторых, довольно неясная смена временных планов в частности внутри текста этого псалма в Септуагинте и в зависимых от нее латинских переводах, оправдание которой требовало специальных усилий от греческих и латинских толкователей⁵.

При таком понимании просьба, выраженная в 4-м стихе псалма, имеет следующий смысл: псалмопевец просит Бога восстановить Сион наподобие того, как наполняются водой пересохшие русла (вади) в Негеве.

³ См. об этом *Beyerlin W.* Wir sind wie Träumende. Studien zum 126. Psalm. Stuttgart, 1978 (Stuttgarter Bibelstudien. 89). S. 41 ff. Здесь же приводится дальнейшая литература.

⁴ *Ibid.* S. 11 ff. (где очерчивается проблема) и 71 (где Байерлин дает основанный на своей интерпретации перевод; первые два стиха – в настоящем времени).

⁵ Специально рассматривают в своих толкованиях смысл смены времен Августин и Иоанн Златоуст. Тихоний привлекает Пс 125 в качестве иллюстрации формулируемого им правила «рекапитуляции», связанного со смешением временных планов в библейском тексте (см. *Tysonii Liber regularum // Burkitt F.C.* The Rules of Tyconius. Cambr., 1984. P. 66; *Dulaey M.* La sixième règle de Tyconius et son résumé dans le *De doctrina christiana // Revue des études augustinienes.* 1989. 35. P. 85).

Но как бы то ни было, авторы перевода LXX видели в 1-м и 4-м стихе еврейского оригинала Пс 125 упоминание о возвращении из плена (как и мы видим его сегодня в масоретском тексте), и понимание всего псалма неразрывно связано в древней христианской литературе с возвращением из вавилонского плена. Да и весь цикл псалмов с надписанием «Песнь восхождения» обычно связывался с этой темой, во всяком случае у тех толкователей, для которых был важен «исторический» смысл.

Итак, для древних толкователей в 4-м стихе заключалась просьба вернуть из плена пленных (исторически – пленных иудеев из вавилонского плена, в иносказательном понимании обычно – людей или людские души из порабощения греху), смысл же сравнения «как вадн в Негеве» зависит у того или иного толкователя от того, как он понимает соответствующие слова используемого им греческого или латинского перевода.

Наиболее распространенный греческий перевод второй половины 4-го стиха у греческих христианских толкователей – тот, который соответствует тексту сегодняшних изданий Септуагинты: ὡς χειμάρρους ἐν τῷ νότῳ. В этой фразе еврейскому 'руцум поставлено в соответствии χειμάρρους, означающее бурные потоки, наполненные талой или дождевой водой (по сезону), а «Негев» переведено не как территориальное понятие, а обозначено названием южного ветра, которое можно понимать и в смысле «южный ветер», и в смысле «юг». Латинская передача этого перевода в той разновидности *Vetus Latina*, которой пользовался Августин, переводит слово χειμάρρους как *torrentes* (или в единственном числе по недоразумению из-за омонимичности греческих форм – *torrentis*), а слово νότος как *auster*. По сравнению с греческим латинский перевод еще более расплывчат, так как *torrentes* – слово более общего значения, однако сама по себе эта расплывчатость не мешает извлекать из латинского текста тот же смысл, что и из греческого, если делать соответствующие уточнения. Но понятие о юге выражено так же, как и в Септуагинте – через название ветра.

Интерпретация 4-го стиха у Августина (в рамках толкования на Пс 125, произнесенного в 407 г.) в целом такова. Псалмопевец (а в его роли выступает общность людей, совершающих восхождение на духовную родину, в Небесный Иерусалим) просит Бога содействовать возвращению из плена (из падшей греховной жизни). Австр – южный теплый ветер, символизирующий действие благодати, она растапливает лед человеческих грехов, разрешает души от оков греховного льда, и люди влекутся к своей небесной родине со стремительностью потоков, бурлящих талой водой.

Рассмотрим сначала, как понимали Пс 125:4b более ранние толкователи и современники Августина. Это необходимо для того, чтобы выяснить, насколько его толкование традиционно или оригинально и в чем именно. После этого, вернувшись к Августину, мы сможем лучше понять смысл и возникновение его интерпретации – и не только в толковании на Пс 125, но и в других его произведениях, где цитируется это полустихие.

К сожалению, от Оригена не осталось текстов, свидетельствующих о понимании им смысла сравнения «как χειμάρρους на южном ветру». Из сохранившихся текстов Евсевия, у которого Августин иногда заимствовал некоторые экзегетические ходы, также не явствует, в чем он видит суть сравнения (хотя именно у Евсевия мы впервые находим четкую связь Пс 125 и вообще всего цикла «Песней восхождения» с возвращением из вавилонского плена).

Первое сохранившееся от греческой толковательной традиции объяснение сути данного сравнения принадлежит, насколько удастся установить, Афанасию Александрийскому. В одном из признанных за ним фрагментов читаем: «Они

(т.е. те, от чьего лица произносится 4 стих. – С.С.) показывают, что в Вавилоне осталось великое множество людей, и поэтому уподобляют его течению египетской реки, ибо Нотом (Югом) он называет пустыню»⁶. Согласно этому объяснению, сравнение с потоками призвано показать многочисленность оставшихся в плену, подобную обилию вод «Египетской реки», под которой, если текст не несет в себе ошибки, нужно понимать Нил. Нот (Юг) в данном случае – понятие территориально-географическое, определяющее место течения реки. Ничего общего это толкование сравнения с интерпретацией Августина не имеет.

Еще одно греческое толкование, которое обращает специальное внимание на сравнение Пс 125:4b и, возможно, не является более поздним по отношению к толкованию Августина, – это гомилия Иоанна Златоуста на Пс 125. В ней *tertium comparationis* – стремительность потоков: «Как потоки на южном ветру – это значит с большим напором, с большой стремительностью толкая и подвигая...»⁷. Однако, кроме указания на «стремительность», с Августином это толкование ничего не сближает.

Кажется, в грекоязычном ареале нельзя найти других свидетельств о том, как понимали древние толкователи (хронологически предшествующие Августину) данное сравнение. Если же мы теперь переместимся в ареал латиноязычный, нас ждет одно досадное разочарование: Иларий Пиктавийский (чьи толкования на псалмы вообще и на «Песни восхождения» в частности Августин, по всей вероятности, читал, и у которого даже часто заимствовал общее направление интерпретации) вообще не приводит в своем толковании второго полустушия 4-го стиха Пс 125 и никак не объясняет его⁸.

Зато некоторый любопытный материал дает нам толкование на Пс 35 Амвросия Медиоланского. В нем не цитируется весь стих Пс 125:4, но рассматривается символическое значение «потока» и «Австра» по поводу стиха Пс 35:9: «Потоком сладости Твоей Ты напоишь их» (*torrentem uoluptatis tuae potabis eos*). Поток Амвросий истолковывает как Святой Дух: *torrentis uoluptatis spiritus sanctus* («Поток сладости – это Святой Дух»), – читаем мы у него (*Expl. ps. 35, 21, CSEL 64, 15*), а несколько ранее цитирует он и Пс 125:4b: «Благ этот поток, который для них (иудеев) иссяк, и истек для нас обильно, чтобы заглушить жажду человеческой похоти, как поток на Австре. Поэтому и Писание говорит: “Удались (поднимись) ты, Аквитон, и приди ты, Австр” (Песнь 4:17), который овевал дерева в раю» (*Expl. ps. 35, 20*). Кажется, Австр, как и потоки, связывается у Амвросия со Святым Духом. Это общее представление о благотворности Австра – единственное, что сближает цитату Пс 125:4b у Амвросия с толкованием Августина; притом по данному месту нельзя судить, как Амвросий понимал это сравнение в контексте самого Пс 125. Однако, по-видимому, у других латинских авторов до Августина нельзя найти такой цитаты этого полустушия, которая бы стояла ближе к августиновскому пониманию.

Что касается самого Августина, то его восприятие сравнения Пс 125:4b, каким мы видим его в толковании на Пс 125, основано на том, что Австр – это прежде всего ветер, растапливающий лед⁹. Возможно, такое восприятие Австра

⁶ Athan. Fr. in Ps. CXXV. PG 27. 16B15-C3.

⁷ PG 55. 361. Приводимые Иоанном варианты перевода ῥυγυμ вместо χειράρρους (καταρροίας, ὄχουτος, ἐφέσεις или ἄφέσεις) призваны подтвердить, как кажется, его понимание.

⁸ Это отмечено уже при издании древнелатинских переводов Сабатье (*Bibliorum Sacrorum Latinae versiones antiquae... opera et studio D. Petri Sabatier. T. 2. P., 1751. P. 254. К стиху 4 в аппарате*).

⁹ О том, что Австр для Августина – строго южный ветер, см. *Congar Yves M.-J. Definition géographique du midi // BA. 28. P. 748.*

естественно именно для жителя Северной Африки, куда южный ветер прилетает из еще более жарких африканских краев, растапливая снег, например, в горном массиве, начинающемся к юго-западу от Гиппона, благодаря чему наполняются реки. Для жителей Италии и Греции Австр – тоже ветер, наполняющий реки, но не столько потому, что он растапливает горные снега, сколько потому, что приносит с собой влагу Средиземного моря, над которым пролетает, и обрушивает ее обильными дождями¹⁰. Как бы то ни было, именно растапливающая и тем самым освобождающая (ибо *soluere* равным образом может означать «развязать, разрешить от уз» и «растопить») сила Австра оказывается «востребованным» признаком в Августиновом толковании. Хотя этому противоречит то, что за словом *topens* стоят зимние потоки (Августин это знает и показывает), важнее именно то, что наполняются они от растаявшего на Австре льда:

Итак, то, о чем молились, когда пели псалмы, уже свершилось. *Возврати, Господи, пленение наше, как поток, на южном ветру*. Как возвращаются потоки на южном ветру, так возврати наше пленение. Можно спросить: что это значит? Но сейчас с Божией помощью откроется нам вашими молитвами. В одном месте Писание говорит: *Как лед в ведро, так разрешатся грехи твои* (Сир 3:15). Значит, нас сковали грехи. Как? Как стужа сковывает воду и не дает ей бежать. Вот и мерзли мы, скованные стужей грехов. А южный ветер – теплый ветер; когда дует южный ветер, лед разрешается и наполняются потоки. Потоками же названы зимние реки; наполнившись бурными водами, они текут с большим напором. Мы прозябали в плену, теснили нас наши грехи – подул южный ветер Святого Духа, отпущены были нам грехи, разрешились мы от мороза неправды, как лед в ведро разрешаются грехи наши. Бежим же на родину, словно потоки на южном ветру (En. ps. 125, 10).

Библейским «ключом», как мы видим, служит при изъяснении этого полустышя стих Сир 3:15, в котором грех уподобляется льду. Какую бы роль не играла данная цитата в качестве подоплеки, система образов, построенных вокруг замерзания как порабощения греху, разработана у Августина до тонких деталей, и может реализовываться без привлечения этой цитаты. Особенно ярко и полно представлены эти детали в нескольких местах толкования на Пс 147 в связи с теми природными явлениями, которые упоминаются в этом псалме, в частности туман, снег, лед. При этом лед является самой крайней степенью замерзания и застывания, а символизируемое им (для Августина) состояние души – степень ожесточения сердца, наиболее близкая к гибели. В качестве примера такого оледенения приводится гонитель Савл, по «оттаивании» ставший апостолом Павлом. Задача толкователя в приводимом ниже тексте – показать, что даже из этого до крайности отвердевшего состояния может вывести божественное дыхание. Если бы надо было найти в христианской литературе такие места, где наиболее убедительным образом объясняется символическая знаковая связь холода и твердости с грехом и гордыней, то толкование, из которого берется ниже приведенный отрывок, было бы одним из первых в списке: здесь с особой тонкостью подобраны цитаты, построены образы и даже привлечено разговорное употребление глагола *obstupesco* («затвердевать», «терять гибкость», «оцепеневать») в значении «замерзнуть до потери подвижности, ооченевать». В этом контексте (в конце отрывка) и появится цитата Пс 125:4:

¹⁰ Об обоих этих действиях (принесении влаги и растапливании снегов) в связи с толкованием Пс 125:4 упоминает Феодорит Киррский (*Interpretatio in ps. 125, 4. PG 80. 1889*). В его толковании, датируемом более поздним временем, 40-ми годами V в., потоки на южном ветру, наполненные талой водой, – тоже именно бурно, стремительно текущие потоки, как у Иоанна Златоуста, а о символике таяния речи нет. В приводимом им альтернативном толковании Нот (Юг) – просто метонимическое обозначение Иерусалима.

Но пусть даже будут среди предопределенных [к спасению] наитвердейшие, пусть они от долгого времени как бы застынут и станут льдом – и такие не будут слишком тверды для милосердия Божьего. «Он пошлет слово свое – и размягчит их». Что значит «размягчит»? Не поймите в худом смысле: здесь это значит «растопит, разрешит ото льда». Ибо они затвердели в гордыне. Недаром гордыню можно назвать и окаменением души – ведь от мороза вещи становятся твердокаменными. Застынув от мороза, люди обыкновенно говорят: «Я просто закаменел от холода». Поэтому гордыня – окаменение души. Но *Он пошлет слово свое – и размягчит их*. В самом деле, когда кучи снега нагреваются, они растекаются и становятся ниже, смиреннее. И подобно тому как морозное окаменение воздвигает снежную гору, так и гордость возносит застывших душою. Но *Он пошлет слово свое – и размягчит их*. Вот, например, Савл, который был как лед, пошел после убийства Стефана, как бы окаменев в своей твердости против Христа, потребовал у священников письма, чтобы повсюду хватать и выдавать христиан, и дышал убийством. Он был тверд и студён против огня Божьего. И хотя он был тверд, хотя был студён, но вот – Тот, Кто *посылает слово свое и размягчает их*, жарко возопил с неба: *Савл, Савл, зачем ты преследуешь Меня?* (Деян 9:1–4). И одно только это слово растопило всю твердость льда. Так вот *посылает Он слово свое – и размягчает их*. Не нужно отчаиваться о льде – значит тем более не нужно отчаиваться о снеге и об облаке. Ведь даже и лед не безнадежен. Послушай, как сам лед говорил о себе: *Я, который раньше был богохульником, и гонителем, и злодеем*. Но почему Бог растопил лед? Чтобы и снег не отчаивался о себе. Ибо тот [бывший лед] говорит далее: *Затем я сподобился милосердия, чтобы Христос Иисус явил на мне долготерпение в назидание тем, кто сможет поверить Ему и получить жизнь вечную* (1 Тим 1:13, 16). Итак, Бог взывает к народам: я растопил лед, придите же ко Мне, снега. *И пошлет Он слово свое – и размягчит их; подует дыхание его – и потекут воды* (Пс 147:7). Вот оттаивают лед и снега и текут водами; кто жаждет, пусть приходит и пьет. Савл, твердый, как лед, преследовал Стефана даже до смерти – а Павел, ставший уже водой живой, зовет народы к источникам. *Подует дыхание его – и потекут воды* (Пс 147:7). Это горячее дыхание [=жаркое дуновение], оттого и в другом псалме говорится: *Обрати, Господи, пленение наше, как поток на Австре*. Ибо пленный Иерусалим как бы заледенел в Вавилоне; дует Австр – и устремляется к Богу поток любви.

Справедливости ради надо отметить, что цитата Пс 125:4 приводится здесь лишь по ходу дела, но не будет слишком смелым сказать, что контекст позволяет судить и о том, как понимается этот стих в связи с самим Пс 125, и что это понимание (и соотношение «исторического» и «духовного» истолкования стиха, плена вавилонского и плена греховного) соответствует тому, что мы видим в толковании собственно на Пс 125.

Раньше толкование на Пс 147 относили к более позднему периоду – от 412 до 420 г. (по датировке Монсо¹¹). Однако недавно Ф. Омбер предположил, что возможна гораздо более ранняя дата – 403 г.¹² Это предположение было сделано со значительными оговорками, притом его нелегко согласовать и с настойчивым упоминанием в этом толковании «предопределенных» людей (более характерным для позднего, антипелагианского периода проповеднической деятельности Августина). Однако если бы эта датировка оказалась верна, можно было бы заключить, что представленное в толковании на Пс 125 понимание стиха Пс 125:4b созрело, было готово раньше, чем было записано толкование на Пс 125, которое мы имеем в своем распоряжении. Если же верна более поздняя дата, то приведенный текст толкования на Пс 147 свидетельствует о том, что понимание сравнения с потоками на южном ветру было стабильным у Августина, так как

¹¹ См. Müller H. Enarrationes in Psalmos // Augustinus-Lexikon. 2. S. 828.

¹² Hombert P.-M. Nouvelles recherches de chronologie augustiniennne. P., 2000. P. 563-588.

основывалось на тщательно выстроенной системе символического понимания холода и твердости (оцепенения).

Дополнительные штрихи к картине понимания сравнительного оборота Пс 125:4b у Августина дает цитирование этого стиха еще в одном тексте, на этот раз бесспорно более позднем, чем собственно толкование на Пс 125. Речь идет о письме 140, т.е. о трактате «О благодати Нового Завета», относящемся к 412 г. В приводимом ниже отрывке, привлекающем ту же цитату Песни Песней (4:16), к которой прибегал и Амвросий в связи с упоминанием Австра (см. выше), символическому значению Австра противопоставлен Аквилон, и действие последнего связывается с пленом, о котором идет речь в Пс 125:4:

Итак, диавол и его ангелы, отстраненные от света и жара любви и слишком далеко зашедшие в гордыне и ненависти, застыли как бы в некоей ледяной твердости. И поэтому о них фигурально говорится, что они поставлены на Аквилоне; так как оттуда диавол навалился на человеческий род, то в Песне Песней о пришествии благодати Спасителя сказано так: *Поднимись, Аквилон, и приди, Австр, овей сад мой, и потекут благоухания* (Песнь 4:16)... Оттого же и в одном псалме говорится: *Обрати, Господи, пленение наше, как поток на Австре*, – тех, стало быть, пленников, которые удерживались под властью диавола, как бы под Аквилоном, и где из-за обилия беззакония своего они замерзли и некоторым образом заledenели. Оттого и Евангелие говорит: *Из-за того, что умножится беззаконие, охладет [=замерзнет] любовь у многих* (Мф 24:12). Но при дуновении Австра лед тает и текут потоки – то есть по оставлении грехов, народы по любви стекаются ко Христу. Оттого и в другом месте сказано: *Как лед в ведро, так растают грехи твои* (Сир 3:15).

Итак, понимание Австра в Пс 125 как теплого ветра благодати, разрешающего от оков греха, дает о себе знать у Августина несколько раз и включено в развитую систему символов, основанных на библейских образах, подкрепленную, кроме того, наблюдениями над природой и языком. Символы эти укоренены, видимо, достаточно глубоко в человеческой психологии; наверно, поэтому опирающаяся на них интерпретация остается понятной и убедительной даже в переводе. Но прямого литературного источника, в котором та же система образов использовалась бы для интерпретации Пс 125:4b, мне найти не удалось, и поэтому, несмотря на распространенность разного рода сравнений греха с оледенением, данное построение (т.е. связанное с объяснением роли Австра в Пс 125) можно считать собственно Августиновым.

В связи в этом мне хотелось бы исправить одно недоразумение в обзорной статье А. Ронде о толкованиях Августина на «Песни восхождения», которое, впрочем, возникает, может быть, только из-за не совсем удачной формы, в которой ученый представил свое наблюдение. В одном из примечаний, относящихся к разбору толкования на Пс 125, он пишет: «В связи с этой темой оледенения души см. любопытный текст In Ps. 147, 23 (этот текст я приводил выше. – С.С.), а также In Ps. 118, serm. 20, 3: “Frigore torpescunt”. Идея унаследована, несомненно, от Оригена, возможно, через Амвросия, In Ps. 118, serm. 11...»¹³. Так как ссылки на толкования Пс 147 и 118 поставлены в один ряд, можно подумать, что речь идет о параллельных местах или о близких образах. Однако на самом деле символика, используемая Августином в толковании на Пс 118. serm. 20. 3, – совершенно противоположная. Там толкуется стих Пс 118:83: «Ибо я стал как мех на ине» (Quoniam factus sum sicut uter in gelicidio), и в данном случае именно замораживание, охлаждение, а не оттаивание, выступает у толкователя как действии Духа: от мороза застывают (frigore torpescunt) в данном случае плотские

¹³ Rondet H. Saint Augustin et les psaumes des montées // Revue d'ascétique et de mystique. 1965. № 41. P. 10. Not. 63.

похоти (*concupiscentiae carnis*), и это только на благо «меху», под которым понимается человеческое тело. Без сомнения, эту интерпретацию охлаждения Августина мог почерпнуть у Амвросия в толковании на тот же стих Пс 118 (Exp. ps. 118, 11, особенно § 13–15); весьма вероятно также, что первоисточником служит Ориген (во всяком случае, подобное толкование на тот же стих сохранила под его именем Палестинская катена¹⁴). Но все это не имеет никакого отношения к тому, какую роль играют образы замерзания и оттаивания при толковании стиха Пс 125:4 у Августина. И если примечание Ронде ставит своей целью указать на курьезную противоположность использования символики замерзания, толкования на Пс 147 и 118 нужно было ставить не в один ряд, а противопоставлять со специальной оговоркой.

Иными словами, указание Ронде не помогает найти источник Августиновой экзегезы Пс 125:4b. Ориген мог быть, вообще говоря, таким источником, ибо сравнение греха с холодом у него встречается, например, в толковании на стих Пс 38: «В размышлении моем разгорится огонь» (в лат. переводе: *In meditatione mea exardescet ignis*). В переводе толкования Оригена на этот стих, выполненном Руфином (а значит, в принципе доступном Августину), читаем: «Это, несомненно, тот огонь, который прогоняет мороз греха и возвращает тепло духа» (*Hom. in ps. 38.1.7*¹⁵). Однако это сближение очень общее и не связанное с Пс 125:4b. Из данного места явствует только, что метафоры и сравнения подобного рода были в ходу в более ранней христианской словесности.

За неимением более прямых и точных параллелей, мы можем пока полагать, как было сказано выше, что изъяснение смысла сравнения Пс 125:4b посредством символики мороза-греха и Австра-благодати является собственным экзегетическим успехом Августина. От других толкований это отличается еще и тем, что оно более связано с внутренней жизнью человека, так как в нем заметно выступает аффективная сторона покаяния, «оттаивание души», а не просто показывается стремительность возвращения из плена. Само же это возвращение (*conuerte captiuitatem*) тем легче связывается с понятием обращения (*conuersio*), столь важным в августиновской мысли вообще и в толкованиях на «Песни восхождения» в частности.

Удачность такого объяснения, кажется, была признана преемниками Августина. Видимо, вслед за ним именно таким образом, т.е. в неперменной связи с растапливанием греховного льда, освобождением от греховного оцепенения, будут понимать это сравнение с «потоками на Австре» и более поздние крупные латинские толкователи псалмов – Проспер Аквитанский¹⁶ и Кассиодор¹⁷.

¹⁴ La chaîne palestinienne sur le psaume 118. T. I (SC 189). P., 1972. P. 322-324; T. II (SC 190). P., 1972. P. 670.

¹⁵ Origène. Homélie sur les psaumes 36 à 38 (SC 411). P., 1995. P. 350.

¹⁶ *Prosp. Exp. ps. C-CL. Ps. 125* (CCSL 68A, l. 28 ss.): *Sicut aquae quae gelu fuerint ligatae austro flante laxantur, ita ipsi per Spiritum Sanctum resoluta glacie peccatorum ueloci ad patriam reditu ferantur more torrentis.*

¹⁷ *Cassiod. Exp. ps. 125, l. 79 ss.* (CCSL 98): *Sequitur decora comparatio: sicut torrens in austro. Auster uentus est calidus, qui frigore ligatas aquas uaporis sui uirtute dissoluit et torrentem facit currere de suae afflationis ardore; sic ergo delicta mortis gelu constricta, quia in se non habent uitam, caelestis misericordiae calore soluuntur et uelut turbidus torrens sub celeritate discedunt.*

«SICUT TORRENS IN AUSTRO»: PS 125:4B IN ST.
AUGUSTINE'S INTERPRETATION

S. A. Stepantsov

In spite of the fact that the comparison of the sin to the cold (and of repentance to the thaw) was well known in biblical and early Christian literature, St. Augustine seems to be the first to apply it to the interpretation of his Latin text of Ps 125:4b («sicut torrens in austro»), followed by later exegetes Prosper and Cassiodorus.